

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты г. Москвы в составе ..., с участием адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) и заявителя – адвоката П., рассмотрев в закрытом заседании в очной форме с использованием сервиса видеоконференций ZOOM дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам адвоката П. от 06 февраля 2020 года (вх. № ... от 06.02.2020) и от 01 октября 2020 года (вх. № ... от 02.10.2020)

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года адвокат К. признан нарушившим положения п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), что выразилось: (1) в его негласном сотрудничестве в ходе осуществления адвокатской деятельности с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года втайне от своих доверителей Кр. и О.; (2) в принятии им участия 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года).

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил, что Заключение Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года он получил, ознакомился с ним, с выводами не согласен. Прежде всего, он не согласен с выводом о том, что осуществлял негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. По его мнению, это не было сотрудничество, тем более скрытое. По просьбе своих доверителей он готовил позицию по факту вымогательства у них денежных средств. Но, поскольку он не обладал оперативным опытом, то приходилось обращаться к сотрудникам правоохранительных органов за консультацией. Что касается второго вывода Квалификационной комиссии о его участии в оперативном эксперименте, то все оперативные мероприятия, которые были осуществлены с его участием, были

согласованы с его доверителями. Прежде всего, с Кр., поскольку именно у него вымогались денежные средства. Согласования также имели место с О., но у нее денежные средства не вымогались. Поэтому, в основном, обсуждение проводилось с Кр. Адвокат К. обладает конфиденциальной информацией по этому поводу и не может ее разгласить. Никакой финансовой или иной выгоды сотрудничество с правоохранительными органами ему не принесло. Считает, что Квалификационная комиссия не учла одних обстоятельств, а другие ошибочно оценила. Он действовал в условиях крайней необходимости. Его доверителям угрожала реальная опасность оказаться под уголовным преследованием. Он также опасался провокаций против самого себя. В материалах уголовного дела в отношении следователей, по его мнению, имеются доказательства, которые подтверждают факт вымогательства со стороны следователей. По этому уголовному делу он «привлечён в качестве свидетеля». Считая себя полностью невиновным, он в то же время не возражает против прекращения дисциплинарного производства в части жалобы от 06 февраля 2020 года в связи с истечением срока применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель – адвокат П. в заседании Совета также подтвердил, что Заключение Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года он получил, ознакомился с ним, согласен в полном объеме. Со стороны следователей не было угроз и вымогательства. Именно адвокат К. первый и по своей инициативе назвал им сумму предлагаемой взятки. Он полагает, что со стороны адвоката К. имела место провокация взятки. По уголовному делу он является защитником Т. и поэтому, в отличие от адвоката К., знаком с его материалами и имеющимися доказательствами. Если Совет согласится с Заключением Квалификационной комиссии, то он считает, что наиболее справедливым наказанием является лишение статуса. Цель обращения с жалобами – реализация позиции защиты по уголовному делу и убежденность в недопустимости подобного поведения для адвоката. Цель мести отсутствует.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии от 07 октября 2020 года и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве следственной группы Следственного комитета Российской Федерации, в состав которой входили следователи Д. и Т., находилось уголовное дело № ..., по которому в качестве свидетелей допрашивались Кр. и О., юридическую помощь которым оказывал адвокат К. Помимо адвоката К., интересы О. в качестве адвоката свидетеля представляла также адвокат К.С.

28 сентября 2018 года следователем СК РФ Д. был проведен допрос свидетеля О. с участием адвокатов К. и К.С. Адвокат К. осуществлял аудиозапись допроса.

В непродолжительный период времени после 28 сентября 2018 года было проведено еще одно следственное действие – допрос свидетеля Кр. с участием адвоката К.

21 октября 2018 года между О., Кр. и адвокатами К., К.С. состоялась встреча в ресторане, в ходе которой обсуждалась ситуация, связанная с риском привлечения О. и Кр. к уголовной ответственности, а также с признаками коррупционных проявлений со стороны следователей Т. и Д. На этой встрече со стороны адвоката К. имели место фразы, из которых следовало, что следователь «обозначил» сумму взятки в размере (сумма) долларов США.

23 октября 2018 года в помещении следственного изолятора следователем Т. проведена очная ставка между свидетелем Кр. и находящимся под стражей свидетелем А. После окончания очной ставки между адвокатом К. и следователем Т. произошел разговор, касающийся передачи денежных средств. Этот разговор адвокат К. инициативно и скрытно записал на диктофон. Однако по техническим причинам аудиозапись разговора оказалась недоступной для полной и детальной расшифровки.

29 октября 2018 года между адвокатом К. и адвокатом К.С. состоялся телефонный разговор, из содержания которого ясно следует, что адвокат К. общался с оперативными сотрудниками ФСБ РФ и передал им аудиозапись своего разговора со следователем. После изучения аудиозаписи между оперативным сотрудником ФСБ РФ и адвокатом К. состоялся разговор, в ходе которого оперативный сотрудник выразил сомнения в достаточности фактических обстоятельств для возбуждения уголовного дела в отношении следователей и дал рекомендации о проведении дополнительных встреч со следователями, дальнейшем инициировании разговоров с ними и их аудиофиксации. В этом же телефонном разговоре адвокат К. указывает на то, что продолжение начатой работы по выявлению преступной деятельности должностных лиц следственного органа будет иметь для него самого положительный эффект, выражающийся в получении в течение одного года вознаграждения, в частности, от Кр., в связи с представлением его интересов при расследовании уголовного дела в отношении этих лиц.

31 октября 2018 года между адвокатом К. и его доверителем Кр. состоялся телефонный разговор, в ходе которого Кр. высказал просьбу «не провоцировать самостоятельно ситуацию со следователями СК РФ».

В этот же день, 31 октября 2018 года, по инициативе следователя Т. состоялся телефонный разговор с адвокатом К., в ходе которого между ними была назначена встреча.

01 ноября 2018 года между адвокатом К. и следователем Д. состоялась встреча. Содержание встречи скрытно фиксировалось адвокатом К. на диктофон.

03 ноября 2018 года между адвокатом К. и адвокатом К.С. вновь состоялся телефонный разговор, в ходе которого адвокат К. сообщил ей о состоявшемся у него контакте с оперативным сотрудником ФСБ РФ, который попросил сделать стенограмму допроса О. от 28 сентября 2018 года для анализа поведения и эмоционального состояния следователя Д. и его высказываний в ходе допроса.

В период с 01 ноября по 12 ноября 2018 года Кр. и О. находились за пределами Российской Федерации.

13 ноября 2018 года между адвокатом К. и его доверителем Кр. состоялась встреча.

16 ноября 2018 года О. повторно была допрошена в качестве свидетеля. На допросе ее интересы представлял адвокат К. После допроса Кр. и О. приняли решение об обращении в Следственный комитет Российской Федерации с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении следователей.

В этот же день, 16 ноября 2018 года, адвокат К. обратился в Следственный комитет Российской Федерации с заявлением о преступлении по факту вымогательства взятки следователями Т. и Д.

19 ноября 2018 года адвокат К. обратился с письменным заявлением на имя начальника Управления «М» ФСБ России, в котором сообщил, что дает добровольное согласие на участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование и пресечение преступных действий Д. и Т., а также иных лиц. В этот же день старшим оперуполномоченным ... отдела Управления «М» ФСБ России капитаном С. вынесено постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент».

19 и 20 ноября 2018 года адвокат К. добровольно и по своей инициативе принял участие в негласном оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент», в ходе которого им была произведена скрытая запись разговоров, состоявшихся между ним и следователем Т. При этом для записи указанных разговоров адвокату К. 19 и 20 ноября 2018 года указанным выше сотрудником управления «М» ФСБ России выдавалось соответствующее техническое звукозаписывающее изделие «Гном Nano 01694».

Сопоставляя достоверно установленные Квалификационной комиссией описанные выше фактические обстоятельства с правовыми положениями, регулирующими участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях, Совет считает необходимым сначала привести основное содержание этих правовых положений.

Пункт 5 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает, что негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается.

В соответствии с п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката.

Статья 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» запрещает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, использовать конфиденциальное содействие по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений.

Поскольку положения приведенных выше нормативных актов не полностью соотносятся между собой, «в Законе запрет для адвокатов

сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отнесен только к сотрудничеству негласному, но не ограничивает его одной лишь сферой оказания юридической помощи, а распространяет на любые жизненные ситуации. Кодекс, напротив, расширяет запрет на все формы сотрудничества – как негласное, так и гласное – но сужает сферу его действия пределами адвокатской деятельности. Закон ОРД, употребляя в ст. 17 иную терминологию, запрещает использовать конфиденциальное содействие адвокатов по контракту». Комиссия Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам приняла Разъяснения от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), в которых указала, что:

«В своих разъяснениях Комиссия исходит из того, что в таких ситуациях в противоречие вступают две важные ценности: с одной стороны – безусловная польза действий адвоката для доверителя, с другой – доверие общества к институту адвокатуры и профессии адвоката, основанное на принципах независимости и адвокатской тайны и подрываемое участием адвоката в тайном сыске.

Наиболее разумным и социально полезным для разрешения подобных противоречий – как ориентируют в своих решениях Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека – является поиск баланса, который не приносит один значимый интерес в жертву другому.

Комиссия считает, что такого рода баланс достигается, исходя из общеправового принципа крайней необходимости (в международном праве, например, Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, употребляется прилагательное «абсолютная»).

Руководствуясь этим принципом, адвокат, столкнувшись с угрозой причинения вреда своему доверителю, обязан:

- убедиться в том, что такая угроза реальна;*
- обсудить с доверителем меры ее ликвидации помимо обращения в правоохранительные органы, в частности, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность;*
- поставить доверителя в известность о запретах для адвоката сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД, установленных Законом и Кодексом;*
- если без ОРД эффективно противостоять преступным действиям нельзя, постараться обеспечить участие в оперативно-розыскных мероприятиях других лиц, в частности, самого доверителя;*
- только если без участия самого адвоката в ОРД защитить интересы доверителя не представляется возможным, адвокат вправе разово содействовать (сотрудничать) в ОРД на бесконтрактной основе.*

Следует подчеркнуть, что участие в ОРД для адвоката может быть мотивировано при оказании юридической помощи только защитой интересов доверителя, а за ее пределами противостоянием угроз совершения преступных

действий в отношении самого адвоката и его близких родственников. Обоснование участия в ОРД общегражданским долгом, стремлением помочь государству в борьбе с преступностью для адвоката недопустимо, поскольку институт адвокатуры такой цели не преследует, а создан исключительно для оказания профессиональной юридической помощи.

Настоящее Разъяснение вступает в силу и становится обязательным для всех адвокатских палат и адвокатов после утверждения Советом Федеральной палаты адвокатов РФ и опубликования на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ в Интернете».

Указанные Разъяснения доведены до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ <<http://www.fparf.ru>>, где доступны по ссылке <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/the-explanation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-of-ethics-and-standards/>.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией фактических обстоятельств, связанных с негласным сотрудничеством адвоката К. в ходе осуществления им адвокатской деятельности с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года, втайне от своих доверителей Кр. и О., а также в принятии им участия 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России негласном оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года).

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что имеющиеся в материалах дисциплинарного производства доказательства подтверждают факт негласного сотрудничества адвоката К. с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в форме предоставления им информации, в том числе скрытно сделанных самим адвокатом К. аудиозаписей, получения рекомендаций о дальнейших действиях и выполнения отдельных просьб об оформлении и предоставлении им дополнительных сведений. Источником доказательств совершения адвокатом К. этих сведений является, прежде всего, он сам, поскольку сообщил сведения об указанных выше обстоятельствах в ходе телефонных переговоров с адвокатом К.С. 29 октября 2018 года и 03 ноября 2018 года. Условия сообщения им указанной выше информации, тональность разговора свидетельствуют о нахождении адвоката К. в нормальном психоэмоциональном состоянии и об отсутствии факторов, способных усомниться в достоверности сообщённой им информации.

Сопоставление содержания этих телефонных переговоров с имевшими установленными фактическими обстоятельствами оказания адвокатом К. юридической помощи Кр. и О. приводит Совет к единственно возможному выводу о том, что предметом негласного сотрудничества адвоката К. с органами ФСБ РФ являлось содействие в сборе сведений о деятельности следователей Т. и Д. при расследовании ими уголовного дела, по которому в качестве свидетелей допрашивались доверители адвоката К. - Кр. и О.

Определяя период такого сотрудничества, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что имеющиеся в материалах дисциплинарного производства доказательства позволяют с необходимой достоверностью ограничить его следующими датами: с 29 октября 2018 года (дата телефонных переговоров с адвокатом К.С., в ходе которых адвокат К. впервые самостоятельно сообщил о том, что он «съездил к фейсам», пообщался с ними и передал им аудиозапись) по 16 ноября 2018 года (дата обращения с заявлением о преступлении, поданном в публичном порядке в Следственный комитет РФ).

Совет соглашается и с тем, что в обозначенный выше период адвокат К. осуществлял негласное сотрудничество втайне от своих доверителей – Кр. и О. Анализ имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств свидетельствуют о том, что общение адвоката К. с доверителями имело место 31 октября 2018 года, 13 и 16 ноября 2018 года. При этом содержание телефонного разговора, имевшего место 31 октября 2018 года, сводилось к просьбе Кр., обращенной к адвокату К., «не провоцировать самостоятельно ситуацию со следователями СК РФ». В свою очередь, 13 и 16 ноября 2018 года (то есть, до и после допроса О.) ими не обсуждались вопросы негласного сотрудничества адвоката К. с органами, осуществляющими оперативную-розыскную деятельность. Опрошенные в заседании Квалификационной комиссии Кр. и О. не сообщили каких-либо сведений, подтверждающих открытый для них и, тем более, предварительно согласованный с ними характер взаимоотношений адвоката К. с органами, осуществляющими оперативную-розыскную деятельность. Совет не находит оснований для сомнений в достоверности указанных объяснений, и в совокупности с анализом содержания протоколов допросов Кр. и О., имеющихся в материалах дисциплинарного производства, считает их достаточными для вывода о сокрытии адвокатом К. своего сотрудничества с органом, осуществляющим оперативную-розыскную деятельность, от своих доверителей. Дополнительно Совет обращает внимание на то, что в ходе телефонного разговора с адвокатом К.С., имевшего место 29 октября 2018 года, адвокат К. сообщил ей о своей мотивации в продолжении такого сотрудничества, поскольку это, с его слов, принесет ему дополнительное вознаграждение, обусловленное необходимостью для его доверителей (в частности, Кр.) участвовать в следственных и иных процессуальных действиях в течение одного года. Поэтому объяснения и показания Кр. и О. об отсутствии у них сведений о негласном сотрудничестве адвоката К. с органом, осуществляющим оперативную-розыскную деятельность, соотносятся с мотивацией адвоката К. продолжать ее негласно и тайно, чтобы в результате оказывать им юридическую помощь в будущих процессуальных действиях по делу в отношении следователей.

Применительно к участию адвоката К. 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России негласном оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» в отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), Совет обращает внимание на то, что адвокат может принять решение об участии в оперативно-розыскных мероприятиях только при условии предварительного совершения им всех описанных выше 5 (пяти) действий в совокупности. Неисполнение обязанности по их совершению (даже применительно к одному действию) исключает наличие ситуации крайней необходимости, когда адвокат вынужден принимать участие в оперативном мероприятии, и обеспечивает должный баланс между двумя упомянутыми в Разъяснениях ценностями.

Из материалов дисциплинарного производства не следует, что в отношении доверителей адвоката К. - Кр. и О. имелась реальная угроза причинения вреда. Приходя к такому выводу, Совет не подменяет и не может подменять собой какие-либо правоохранительные или судебные органы, а основывается исключительно на имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательствах и оценивает их в пределах своей компетенции – применительно к решению вопроса о соблюдении или несоблюдении адвокатом К. обязательных требований профессиональной этики. Императивный характер указанных выше Разъяснений обязывает органы адвокатского самоуправления в каждом случае устанавливать наличие условий для участия адвоката в негласной оперативно-розыскной деятельности на основании имеющихся в дисциплинарном производстве сведений с неизменным соблюдением принципа презумпции добросовестности адвоката.

Руководствуясь этими критериями, Совет приходит к выводу о том, что адвокат К. в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства Квалификационной комиссией и Советом не обосновал наличие угрозы причинения вреда доверителям, не описал, в чем она выражалась и, тем более, какими доказательствами подтверждается её наличие. В ходе общения с адвокатом К.С. по телефону 29 октября 2018 года адвокат К. показал, что осознает отсутствие со стороны следователей Т. и Д. реальной угрозы причинения вреда его доверителям, о чем свидетельствуют фразы: «Оно конечно уляжется всё само собой. Может и не стоит это затевать, эту всю фигню»; «Да не будет он прессовать». Из объяснений адвоката К. следует, что следователи Т. и Д. совершили действия, направленные на вымогательство у его доверителей – Кр. и О. через него (К.) денежной суммы в качестве взятки за непривлечение их к уголовной ответственности. Между тем, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо сведения о действиях следователей Т. и Д., на основании которых органы адвокатского самоуправления могли бы прийти к выводу, что на момент принятия адвокатом К. решения об участии в оперативном мероприятии действительно имела место реальная, а не вымышленная, угроза совершения следователями таких действий. Причем в силу автономного характера дисциплинарного производства, последующие процессуальные решения о возбуждении уголовного дела, привлечении в

качестве обвиняемого и т.п. не могут заменить собой необходимости самостоятельного установления органами адвокатского самоуправления фактических обстоятельств и, тем более, влиять на оценку соблюдения условий, изложенных в Разъяснении. Поэтому Совет констатирует, что в материалах дисциплинарного производства отсутствует описание конкретной угрозы причинения вреда доверителям адвоката К., которая вынудила бы последнего принять участие в негласном сотрудничестве с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), как в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года, так и в оперативном мероприятии 19 и 20 ноября 2018 года.

Изложенный выше тезис сам по себе достаточен для оценки анализируемого дисциплинарного обвинения. Отсутствие реальной угрозы причинения вреда доверителям во всех случаях не позволяло адвокату К. участвовать в указанном негласном сотрудничестве. Между тем, Совет отмечает, что изложенный выше тезис не позволяет признать и совершение следующего необходимого действия: обсуждение с доверителем мер ликвидации угрозы, минуя обращения в правоохранительные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Совершение этого действия предопределено наличием реальной угрозы доверителям. А поскольку такая угроза не установлена и не описана, то невозможно и признать состоявшимся обсуждение с доверителем мер по ее ликвидации. Однако, Совет считает необходимым обратить внимание на то, что материалы дисциплинарного производства не содержат достаточных доказательств обсуждения адвокатом К. со своими доверителями каких-либо действий, направленных на ликвидацию этой угрозы и при этом связанных с его негласным сотрудничеством с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Источниками таких сведений могли бы быть как сам адвокат К., так и его доверители – Кр. и О. Однако имеющиеся в материалах дисциплинарного производства объяснения и показания указанных лиц не содержат таких сведений.

В материалах дисциплинарного производства нет и достаточных доказательств того, что адвокат К. поставил доверителей в известность о нормативных запретах для адвоката сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Опрошенные по ходатайству адвоката К. его доверители Кр. и О. не сообщили Квалификационной комиссии о получении ими от адвоката К. таких разъяснений.

Также в материалах дисциплинарного производства отсутствуют убедительное обоснование и доказательства того, что доверители адвоката К., в частности, Кр., у которого непосредственно, со слов адвоката К., происходило вымогательство, не имели возможности участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях. То обстоятельство, что Кр. не имеет знаний в области оперативно-розыскной деятельности, не свидетельствует о невозможности его участия в оперативном эксперименте. Совет обращает внимание на то, что теория оперативно-розыскной деятельности и её нормативная регламентация не предусматривают особых требований к возрасту, образованию, полу, квалификации для такого участия в негласном оперативном мероприятии,

которое осуществил адвокат К. и могло бы осуществить иное лицо (например, Кр.). Совет отмечает, что в период проведения оперативного эксперимента Кр. и О. находились в городе Москве и не были ограничены по состоянию здоровья или в силу иных причин в возможностях содействия правоохранительным органам.

Наконец, указанный выше период негласного сотрудничества адвоката К. с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), и последующее участие адвоката К. в оперативном эксперименте 19 и 20 ноября 2018 года свидетельствуют о нарушении им последнего условия Разъяснения, допускающего возможность лишь разового (единичного) участия адвоката в оперативно-розыскной деятельности.

При указанных обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении вышеуказанных нарушений установленной.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката «меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске». Жалоба адвоката П. от 06 февраля 2020 года поступила в Адвокатскую палату города Москвы 06 февраля 2020 года (вх. № ... от 06.02.2020). По не зависящим от Адвокатской палаты города Москвы причинам, связанным с введением и действием в городе Москве режима повышенной готовности в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции и соответствующими ограничительными мерами, дисциплинарное производство окончательно рассмотрено Советом только 29 октября 2020 года. На момент его рассмотрения Советом истек шестимесячный срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности в части, касающейся доводов жалобы адвоката П. от 06 февраля 2020 года. Сведениями о болезни или нахождении в отпуске адвоката К. в течение указанного срока Совет не располагает.

Подпункт 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает основание прекращения дисциплинарного производства – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией. Прекращение дисциплинарного производства по основанию, указанному в подпункте 6 пункта 1 настоящей статьи, не допускается, если адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, возражает против этого. В этом случае дисциплинарное производство продолжается в обычном порядке (пункт 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что он не возражает против прекращения дисциплинарного производства в связи с истечением сроков привлечения к дисциплинарной ответственности. В связи с этим Совет считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в части дисциплинарных обвинений, изложенных в жалобе адвоката П. от 06 февраля 2020 года (вх. № ... от 06.02.2020) и признанных установленными, а именно: в части принятия адвокатом К. участия 19 и 20 ноября 2018 года в проводимом ФСБ России оперативно-розыском мероприятии «оперативный эксперимент» в

отсутствие условий, изложенных в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года).

Мерами дисциплинарной ответственности, применяемыми к адвокату за нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката являются: 1) замечание; 2) предупреждение; 3) прекращение статуса адвоката (п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката (пп. 2 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершённое им нарушение в оставшейся части, Совет, прежде всего, принимает во внимание положения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката. Явное и грубое игнорирование адвокатом К. основополагающих начал осуществления профессиональной деятельности свидетельствует об отсутствии у него либо об утрате им необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств. При таких обстоятельствах Совет признаёт профессиональное поведение адвоката К. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не находит возможности применения к адвокату К. более мягкой меры дисциплинарной ответственности как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление К. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершённые им нарушения совместимы со статусом адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 2 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п.п. 1, 4, 5, 6, 7 ст. 18, подп. 1 и 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

1. Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 28 января 2016 г. № 01/16 «По вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждены Советом ФПА РФ 28 января 2016 года), что выразилось в его негласном сотрудничестве в ходе осуществления адвокатской деятельности с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ФСБ России), в период с 29 октября 2018 года по 16 ноября 2018 года втайне от своих доверителей Кр. и О.

Установить срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката К. вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом.

Президент

Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков